

22 FEB 1989

ПАМЯТНЫЕ СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

АКТРИСА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Русский зритель познакомился с великой итальянской актрисой Элеонорой Дузе за семь лет до рождения Московского Художественного театра. Потом итальянская «прима» назовет МХТ идеалом ТЕАТРА.

Ночью 16 марта 1891 года А. П. Чехов поделился со своей сестрой и другом М. П. Чеховой одним из самых сильных театральных впечатлений, испытанных им в Москве: «...Сейчас я видел итальянскую актрису Дузе в шекспировской «Клеопатре». Я по-итальянски не понимаю, но она так хорошо играла, что мне казалось, что я понимаю каждое слово. Замечательная актриса».

Впервые на гастроли в Россию Элеонора Дузе приехала в то время, когда до открытия Художественного театра в Москве оставалось еще целых семь лет. Не все основатели театра даже были знакомы друг с другом, но многие из них, кто видел Дузе, оказались в своих воспоминаниях на редкость единодушно восторженными по отношению к ней. Так же, впрочем, как и М. Н. Ермолова, и В. Ф. Комиссаржевская, и другие. А И. Е. Репин из всех иностранных гастролеров единственно Дузе просил позировать для портрета углем.

Творчество итальянской актрисы было, по существу, развитием того глубокого реализма, который исповедовали передовые представители русского сценического искусства. И для Элеоноры Дузе именно МХТ стал идеалом театра, спектакли которого поражали ее начиная с 1906 года и до последних дней ее жизни, когда ее труппа и МХАТ играли в Америке в сезоне 1923/24 года.

Предлагаем вашему вниманию отрывок из неизвестной русскому читателю статьи итальянского деятеля театра Жозефа Примоли, написанной на французском языке и напечатанной в журнале «Ревю де Пари» в июне 1897 года.

«Может казаться, что искусство Дузе требует меньших усилий, нежели искусство других актрис. На самом деле оно является плодом самого глубокого изучения материала роли.

Вместо того чтобы репетировать на сцене, Дузе готовит свои роли главным образом в уединении. Вынашивая в себе роль, она предается длительной и напряженной работе: каждый оттенок характера отшлифовывается ею тысячи раз...

Насколько премьеры (особенно в Италии) стремятся произвести впечатление в момент выхода на подмостки, чтобы вызвать аплодисменты публики, настолько Дузе делает все возможное, чтобы появиться на сцене, не заявляя о том. Она получает удовлетворение, когда ее не узнают или, узнавая, шепчут: «Неужели это она!». Но вскоре, кроме Дузе, больше ничего не существует ни на сцене, ни в зрительном зале.

В свой бенефис она играла «Даму с камелиями»...

Эту драму она ведет со всей силой своего темперамента. Ее Дама — не парижская куртизанка, а простая влюбленная. Дузе нередко упрекают за это. Но теряя, так сказать, местный колорит, не выигрывает ли Маргарита в значении человеческого, мирового!

Сначала перед нами беззаботная, не знающая любви женщина. Существование для нее безразлично. Жизнь свою она жжет с обоих концов. Речь ее неспешна: она не думает, о чем говорит. Но едва

ее сердца коснулся голос Армана, она как бы останавливается. Речь ее становится медленной. Маргарита пробуждается, хочет жить, предвкушая сладость любить и быть любимой! Когда во втором акте в сцене с графом Маргарита собирается читать записку Армана, ее лицо не выдает ни малейшего волнения. Охватившие ее тоска и тревога обнаруживаются лишь чуть заметным дрожанием колен. Этого достаточно, чтобы свидетельствовать о душевном состоянии Маргариты...

Последний акт «Дамы с камелиями» — поэма правды. Нужно видеть, как она, уже больная, вынимает драгоценную записку Армана из-под подушки и, закинув голову, начинает читать. Ее слабая рука падает время от времени, но Маргарита, как школьник, продолжает чтение письма.

Не прибавляя к тексту и слога, она ввела в пьесу момент, производящий неизгладимое впечатление и достойный самого Шекспира. В минуту, когда Маргарита, вместе с Арманом, предается мечтам, она вдруг останавливается, увидев вставший между ними призрак смерти, отражение которого мы видим в ее скованном ужасом лице. И не ранее, как убедившись в том, что призрак исчез за пологом, она возвращается к своим мечтам о поездке. Вот сейчас... Еще немного, и к ней вернется надежда... Как вдруг, сраженная, она падает. Естественно, как в жизни.

Распростершись на постели, Маргарита, кажется, все еще тянется к счастью. О том, что трагический конец близок, узнаешь лишь по одному движению упавшей руки...

Настоящим триумфом для Дузе является то, что сказал о ней Верди. Однажды, гуляя в лунную ночь на берегу моря с одним из близких ему друзей, доверенным всех его мыслей, они говорили о «Травиате».

— Я бы не мог переделать ее теперь, — сказал Верди. — И я никогда не напишу ничего лучше.

Затем он прибавил: «Эта маленькая Дузе... Если я услышал бы ее до написания оперы, какой превосходный финал, может быть, получился бы!...».

Публикация и перевод
Ник. ЛЕОНТЬЕВСКОГО.